

Подполковник Агеев А. М.
канд. истор. наук.

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ПОЛКОВОЙ АРТИЛЛЕРИИ РУССКОЙ АРМИИ 20—50-х гг. XVIII в.

Обнаруженные недавно в Архиве Артиллерийского исторического музея «Рассуждение о полковой артиллерии» и «Регул о содержании в армейских пехотных полках полковой артиллерии» с приложенными к нему штатами¹ представляют собой ценные документы по истории полковой артиллерии русской армии. В них содержится краткая историческая справка о развитии полковой артиллерии России с 1720 по 1750 г., показывается ее состояние к началу реформ, проводившихся перед Семилетней войной (1756—1762 гг.), и приводятся отправные положения о той новой организации, новых тактических и педагогических принципах, которые легли в ходе реформ в основу переустройства артиллерии пехотных и конных полков.

Эти документы были разработаны по заданию Военной коллегии Корнелием Богдановичем Бороздиным² и нигде не были опубликованы. В 1754—1756 гг., являясь представителем артиллерийского ведомства в Военской комиссии по составлению новых штатов и положений, Бороздин занимался вопросами реорганизации русской артиллерии. Его перу принадлежит ряд других весьма ценных и оригинальных работ в области артиллерии³.

«Рассуждение о полковой артиллерии» (13 рукописных страниц), написанное в 1755—1756 гг., состоит из исторической справки и девяти пунктов новых положений. Согласно справке, развитие полковой артиллерии за 30 лет (1720—1750 гг.) представляется в следующем виде. При Петре I по штату 1720 г. полковая артиллерия (прислуга, орудия, ездовые и конский состав) находилась в пехотных полках в полном ведении полков, а в конных — в особом полковом артиллерийском корпусе» при полевой артиллерии. В пехотных полках полагалось иметь по два орудия на полк, а в конных — по одному. Конным полкам орудия придавались лишь в военное время. Всего в сорока пехотных и тридцати конных полках долж-

но было содержаться 110 орудий. Указом Петра I от 16 декабря 1723 г. при полковой пушке полагалось иметь прислугу в пять человек. Для управления артиллерией в бою и обучения артиллеристов в пехотных полках имелись особые артиллерийские офицеры⁴, которые в мирное время и в перерывы между боями проводили с артиллеристами занятия: зимой — теоретические, летом — практические.⁵

После смерти Петра I эти принципы организации и подготовки полковой артиллерии, оправдавшие себя в годы Северной войны, были видоизменены. Миних, Гинтер, Гессен-Гомбургский, управлявшие артиллерией русской армии с 1725 по 1741 г., ввели новые штаты и положения, которые в конечном счете привели полковую артиллерию русской армии в неудовлетворительное состояние. По штатам 1736 г. вводились двойная организация (мирного и военного времени) и двойное подчинение (командиру полка и артиллерийскому ведомству). По штату мирного времени сохранялось количество полковых орудий, принятое при Петре I. По штату военного времени предусматривалось в пехотных полках по четыре, а в драгунских — по два орудия. С этого времени полковые орудия стали подразделяться на «основные» (мирного времени) и «прибавочные» (военного времени). «Основные» содержались в полках, а «прибавочные» — в складах артиллерийского ведомства. Для обслуживания «основных» орудий по штату полагалось иметь «канониров и фузилеров при каждой пушке по 3 человека»⁶ из числа артиллеристов полевой артиллерии и, кроме того, «в прибавку к ним» — из числа солдат (или драгун)⁷ полков — по два человека. Для обслуживания «прибавочных» орудий прислугу должны были выделять только полки. Такое же положение было с езовыми и конским составом.

Эта двойственность привела к нарушению прежней стройной организации полковой артиллерии и отрицательно сказалась на ее хозяйственном, строевом и боевом состоянии. Попытки Военной коллегии указами 1743, 1745 и 1748 гг. упорядочить полковую артиллерию не доводились до конца. И вплоть до 1754 г. в этом отношении «точного узаконения не имелось»⁸ артиллеристы были плохо подготовлены и обмундированы, а их орудия и средства передвижения находились в запущенном состоянии. Командиры полков неохотно отдавали солдат на учебу в артиллерию, а артиллерийское ведомство слабо контролировало их подготовку и нерегулярно проводило учебные сборы.

Чтобы упорядочить полковую артиллерию, чего настоятельно требовала надвигавшаяся война с Пруссией, в «Рассуждении» предлагалось вернуться к тем национальным принципам ее устройства, которые сложились в первой четверти

XVIII в., но с учетом изменений в организации полков⁹ и требований боевой практики. Конкретно эти предложения сводились к следующему:

— в каждом пехотном полку иметь по четыре, а в конных — по две 3-фунтовые пушки с двумя 6-фунтовыми мортирами на лафете каждой пушки;¹⁰

— орудия, прислугу, езовых и артиллерийские упряжки передать в полное подчинение командирам пехотных полков, сведя их в особую команду; командирам конных полков полковую артиллерию придавать лишь в военное время;

— полковые пушки обслуживать увеличенным числом артиллеристов — «одному капралу и девяти фузилерам»¹¹, имея, кроме того, три запасных номера; артиллерию комплектовать только из числа «добрых, крепких, проворных и особой смелости людей»¹²;

— в начальники полковых артиллерийских команд с целью их «добротоу учреждения и смотрения» назначить особых офицеров, хорошо знающих теорию и практику артиллерийского дела, умеющих самостоятельно заниматься обучением личного состава, ремонтом орудий и принадлежности, пиротехническими работами, и способных руководить использованием орудий в бою;

— в дивизиях в военное время иметь дивизионных артиллерийских начальников (капитанов), которым вменить в обязанность следить за состоянием полковой артиллерии и «в присутствии полкового командира почасту (ее) осматривать, вся ли она состоит в исправности и должных добротях и пропорциях»¹³;

— в конных (кирасирских и драгунских) полках в мирное время половину полковых орудий (по одному на полк) содержать в пограничных крепостях, а половину — в полевых артиллерийских полках в районах вероятного расположения кавалерии. Из девяти артиллеристов, предназначенных для обслуживания орудий, пять назначать из полевой артиллерии, а четыре — из числа драгун того полка, которому они приданы.

В «Рассуждении» предлагалось полковую артиллерию действующей русской армии перевести на новые штаты в первую очередь и в наискратчайшие сроки. Все эти передовые принципы организации полковой артиллерии русской армии, изложенные в «Рассуждении» и направленные к установлению единообразия в ее организационном устройстве, нашли отражение в «Регуле» и «Штатах» полковой артиллерии.

В сентябре 1756 г. «Регул» и «Штаты», после утверждения их «конференцией при высочайшем дворе», были спущены в войска для исполнения. С сентября 1756 г. по май 1757 г. артиллерия пехотных и конных полков действующей русской ар-

мии была перестроена в соответствии с новыми положениями и с учетом начавшейся войны с Пруссией. В течение всей Семилетней войны артиллерия полков русской армии действовала по штатам и положению 1756 г. Лишь после войны в ее организацию были внесены некоторые частные изменения, обусловленные опытом прошедшей войны. Это важно подчеркнуть, чтобы оттенить особое значение этих документов для историков, занимающихся изучением военного прошлого нашей Родины.

В двадцать одном пункте «Регула»¹⁴ излагались как вопросы организационного устройства полковой артиллерии, так и вопросы боевой подготовки и принципы ее боевого использования. В этом отношении «Регул» не только реализовал основные положения «Рассуждения», но и развивал их, вводя новые прогрессивные положения в обучение и воспитание артиллеристов и применение полковых орудий в бою. Согласно «Регулу» и «Штатам» 1756 г. полковая артиллерия пехотных полков, сведенная в особую команду, с постоянным числом орудий, артиллеристов, ездовых и лошадей, передавалась в полное подчинение командиров полков. В административном, хозяйственном, строевом и боевом отношении команда являлась неотъемлемой и составной частью полка. Только в вопросах артиллерийского снабжения (обеспечения порохом, ядрами, бомбами и т. п.) она, как и прежде, зависела от артиллерийского ведомства.

Полковая артиллерия конных полков по штатам 1756 г. имела два вида организации — мирного и военного времени. В связи с началом Семилетней войны она была передана в полки, однако в административном, хозяйственном и строевом отношении подчинялась артиллерийскому ведомству, а в боевом — командиру конного полка. Такое двойное подчинение, отрицательно сказывавшееся на согласованности действий конницы и ее артиллерии, было устранено уже в ходе войны. После войны конная артиллерия, как и артиллерия пехотных полков, была передана в полное ведение командиров полков¹⁵.

Наглядное представление о штатной структуре полковой артиллерии 1756 г. можно получить из таблиц (см. стр. 247).

Как следует из табл. 2, важной особенностью новых положений было введение в пехотные и конные полки артиллерийских офицеров. Артиллерийский офицер, как начальник полковой артиллерийской команды (с 1756 г. в пехотных, а с 1762 г. — в конных полках), включался в списки полка, зачислялся на все виды довольствия и нес ответственность за административное, хозяйственное, строевое и боевое состояние команды. Наряду с этим, ему вменялось в обязанность снабжать полк патронами и гранатами, обучать гренадерские роты

Таблица 1

Материальная часть	В команде	
	пехотного полка	драгунского полка
Пушек 3-фунт.	4	2
Мортирок 6-фунт.	8	4
Зарядных ящиков	8	4
Снарядов:		
а) ядер 3-фунт.	460	240
б) картечи 3-фунт.	120	60
в) гранат 6-фунт.	80	40
Артиллерийских упражек (лошадей):		
а) под орудие	24	12
б) под зарядный ящик	16	8

Таблица 2

Личный состав	На орудие		В команде	
	пехотного полка	драгунского полка	пехотного полка	драгунского полка
Офицеров	—	—	1	1
Унтер-офицеров	1	1	4	2
Рядовых артиллеристов:				
а) основных	8	8	32	16
б) запасных	3	3	12	6
Ездовых	5	5	20	10
Всего . . .	17	17	69	35

пользованию ручными гранатами, а также (при отсутствии полкового инженера¹⁶) осуществлять инженерное обеспечение полка¹⁷. Обширные обязанности полкового офицера свидетельствовали о том, что он должен был выполнять не только функции начальника артиллерийской команды, но и ряд функций помощника командира полка по артиллерийским вопросам. Дивизионному артиллерийскому офицеру согласно «Регулу» вменялось в обязанность оказывать помощь командиру дивизии в контроле полковой артиллерии и ее рациональному

использовании не только в интересах того или иного полка, но и в интересах дивизии в целом. Кроме того, он должен был налаживать взаимодействие с партиями «секретных гаубиц»¹⁸ и полевой артиллерией, действовавшей на участке и в интересах дивизии. В распоряжении дивизионного офицера для этих целей находилась команда из шести артиллеристов и техников.

Судя по обширному кругу обязанностей полкового и дивизионного офицеров, приведенных в «Регуле», эти офицеры представляли собой прообраз будущих начальников артиллерии полков и дивизий. В этом отношении Россия далеко опережала другие европейские страны. В Западной Европе, например, в Пруссии и Франции, полковыми орудиями командовали унтер-офицеры, подчиненные командиру батальона, а в дивизиях не было никаких артиллерийских начальников.¹⁹ Передовым характером отличалась и организация артиллерии конных полков русской армии. Ни Франция, ни Австрия не имели такой артиллерии ни к началу Семилетней войны, ни после ее окончания.²⁰ Пруссия ввела ее только в 1759 г., используя опыт русской артиллерии.

Наряду с организацией полковой артиллерии «Регул» пронизан требованиями о возрождении петровских принципов обучения и воспитания полковых артиллеристов, от которых отошли в связи с засильем иностранцев в армии. В этом документе утверждается идея непрерывной и последовательной подготовки артиллеристов, обучения их тому, что нужно на войне. Это, в частности, находит выражение в формуле — обучать тому, что «канониру знать надлежит» и «таким образом, как в военных операциях есть надобность»²¹, в необходимости проводить обучение в течение всего года: зимой — «теории с ясным и прилежным показанием, а в наступлении лета — практики»²².

В понятие «теория» вкладывалось знание материальной части, пороха, снарядов, трубок, принадлежности, элементарных сведений о стрельбе (траектория, угол возвышения, дальность и действительность стрельбы) и т. д. В понятие «практика» входила отработка практических навыков по подготовке орудия к стрельбе и действию артиллеристов у орудия при различных видах стрельбы: рикошетной, скорострельной (картечной.— А. А.) и стрельбе в цель — с места и в движении. К практике также относились осмотр орудий и устранение их неисправностей, выверка прицельной линии, глазомерное определение дальности до цели, знание команд и другие навыки по обслуживанию орудий в бою. К боевой стрельбе разрешалось переходить только после отличного овладения теорией и отработки необходимых практических навыков. Боевые стрельбы рекомендовалось «проводить сначала примером, а потом действительною стрельбою» (снарядами.— А. А.)²³.

Обучение боевой стрельбе включало как стрелковую (основную), так и тактическую (подчиненную ей) подготовку. Артиллеристы должны были обучаться стрельбе как с места, так и в движении, при совершении полком различных эволюций (перестроений). В основе обучения лежала передовая идея сосредоточенного использования полковой артиллерии. В «Регуле» проводилась смелая и оригинальная мысль о том, что «в военных операциях иногда доведется надобность учинить полковую артиллерию свести в один корпус для действия пушками и мортирцами», что «сведенная хотя малых калибров артиллерия немалой к побеждению неприятеля успех и помощь армии подавать может»²⁴. Такое требование к боевому использованию полковой артиллерии далеко выходило за пределы господствовавших канонов линейной тактики, которая требовала рассредоточения полковых орудий в бою по батальонам. Оно являлось дальнейшим развитием положения «Воинского устава» Петра I (1716 г.) использовать артиллерию сообразно складывающейся обстановке.

Важными и ценными были также указания «Регула» о проведении обучения полковых артиллерийских команд на полковых и дивизионных учениях, а также о соблюдении «единых принципов боевой подготовки. При этом «Регул» исходил из необходимости внедрения в подготовку артиллеристов простых и доходчивых приемов обучения и индивидуального подхода при обучении. Учитывая неграмотность и малограмотность артиллеристов из рекрут — бывших крепостных, на первое место выдвигались требования «показа» и «довольного изъяснения» (беседы).²⁵ Так, при обучении глазомерному определению дальности до цели офицеры должны были «показать каждому не только грамоте знающему, но и безграмотным пушкарям, простые способы узнавать расстояния места, ибо, — как указывалось в «Регуле», — и в простом человеке дар остроты то нужное дело без сомнения подать может»²⁶. Эти и другие подобные положения «Регула» по боевой подготовке позволяют рассматривать его как первое наставление полковой артиллерии, характеризующее высокий уровень русской артиллерийской теоретической мысли середины XVIII в. Важно отметить, что в соответствии с положениями «Регула» артиллеристы пехотных и конных полков прошли обучение в летних лагерных сборах, продолжавшихся с мая по декабрь 1756 г. При этом только через Рижский и Ревельский лагерные сборы до декабря 1756 г. были пропущены артиллеристы двадцати одного пехотного полка.²⁷

Уже из краткой характеристики «Регула» и «Рассуждения о полковой артиллерии» видно, что в этих документах нашли отражение все основные стороны развития полковой артиллерии в 20 — 50-х гг. XVIII в. и особенно обстоятельно

представлены состояние и принципы ее организации накануне Семилетней войны. Последнее важно подчеркнуть, поскольку в дореволюционной и советской исторической литературе этот вопрос остается все еще запутанным. Д. Ф. Масловский,²⁸ а вслед за ним и другие дореволюционные историки так и не могли четко ответить на вопрос о том, с какой организационной структурой пришла полковая артиллерия русской армии к Семилетней войне. Масловский, например, ошибочно считал, что в 1756—1757 гг. в пехотных полках было от двух до шести, а в конных — от одного до трех полковых орудий.²⁹ Он же необоснованно утверждал, что русские артиллеристы пришли к Семилетней войне недостаточно подготовленными, что артиллерийские офицеры, введенные в полки и дивизии, являлись всего лишь инструкторами (советниками) общевойсковых командиров по артиллерийским вопросам.³⁰

Такого рода ошибки проникли и в работы советских историков. И. С. Прочко неправильно утверждает, что в полковой артиллерии пехотных полков находилось от четырех до шести, а в конных — два-три полковых орудия.³¹ Проф. Коробков, несмотря на общую высокую оценку состояния русской артиллерии к началу войны, также ошибочно считал, что перед войной и в ходе войны состояло по штату в пехотных полках два, а в конных — одно полковое орудие.³²

Новые документы о полковой артиллерии, рассмотренные выше, позволяют утверждать: что русская армия пришла к Семилетней войне, имея передовую и стройную организацию полковой артиллерии и хорошо подготовленный личный состав полковых артиллерийских команд; что в пехотных полках было четыре, а в конных — два полковых орудия; что артиллеристы пехотных и конных полков были обучены в соответствии с передовой национальной системой обучения и воспитания войск, сложившейся еще в первой четверти XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ААИМ, ШГФ, св. 476, д. 591, лл. 96—149.

² К. Б. Бороздин был одним из наиболее выдающихся русских артиллеристов середины XVIII в. После окончания в 1726 г. Петербургской инженерной школы он вступил в армию в чине сержанта. В 1734 г. принимал участие в осаде Дагунга, а в 1736 г. участвовал в штурме Азова. Около пятнадцати лет исполнял должность начальника полевой артиллерии г. Риги. В 1754 г. был назначен членом Канцелярии главной артиллерии и фортификации и определен в члены Военской комиссии. Свои взгляды на «исправление артиллерии» Бороздин изложил в плане, представленном Военской комиссии в начале 1755 г. План Бороздина предусматривал разработку всех основных вопросов, относящихся к деятельности артиллерийского ведомства и артиллерии как рода войск. В 1758—1759 гг. Бороздин являлся начальником артиллерии действующей русской армии.

³ «Регламент» (1756 г.), «Наставление господам батарейным командирам...» и другие наставления и инструкции.

⁴ В указе Петра I от 21 февраля 1721 г. отмечалось, что полковые инженеры «купно или попеременно с офицером артиллерийским те науки обучать... должны». (ААИМ, ШГФ, св. 476, д. 591, л. 158).

⁵ Там же.

⁶ ААИМ, ШГФ, св. 476, д. 591, лл. 96—97; св. 521, д. 82, лл. 39—45.

⁷ В зависимости от того, в пехотных или конных полках находились орудия.

⁸ ААИМ, ШГФ, св. 476, д. 591, лл. 96—97.

⁹ Полки, ранее имевшие двухбатальонный состав, увеличивались до грехбатальонного состава.

¹⁰ При таком устройстве полковых пушек из них можно было вести огонь 3-фунтовыми ядрами и картечью и 6-фунтовыми гранатами.

¹¹ ААИМ, ШГФ, св. 476, д. 591, л. 102.

¹² Там же, л. 104.

¹³ Там же.

¹⁴ Объем «Регула» — 22 рукописные страницы (ААИМ, ШГФ, св. 476, д. 591, лл. 110—126).

¹⁵ ПСЗ, т. 43, СПб, 1830, стр. 93—96.

¹⁶ Штатами 1756 г. вводились в полки и офицеры — полковые инженеры.

¹⁷ ААИМ, ШГФ, св. 476, д. 591, лл. 114—115.

¹⁸ Там же, лл. 119—120.

¹⁹ Нилус А., История материальной части артиллерии, т. I, СПб, 1902, стр. 238.

²⁰ Там же, стр. 238—241.

²¹ ААИМ, ШГФ, св. 476, д. 591, л. 123.

²² Там же, лл. 112—113.

²³ Там же, лл. 123—124.

²⁴ Там же, л. 123.

²⁵ Там же, лл. 112—113.

²⁶ Там же, л. 114.

²⁷ Там же, св. 481, д. 596, лл. 400—409, 486—495, 519.

²⁸ Масловский Д. Ф., Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1, СПб, 1882; Записки по истории военного искусства в России, вып. 1—2, 1891—1894.

²⁹ Масловский Д. Ф., упом. соч., стр. 48, 56—57.

³⁰ Там же, стр. 57.

³¹ Прочко И. С., История артиллерии, т. I, 1945, стр. 110.

³² Коробков Н., Семилетняя война, 1940, стр. 73—74.